

FALSAFIY LIRIK BADIY OLAMNI MODELLASHTIRISH SHAKLI SIFATIDA

Soliyev Hasan Toirjonovich, o'qituvchi

Turon Odob Ilm school

Orcid: 0009-0006-1836-8980 e-mail: hasansoliyev02@gmail.com

Annotatsiya

Maqolada falsafiy lirik badiiy olamni modellashtirishning o'ziga xos shakli sifatida o'rganiladi. Falsafiy she'rning janr-ontologik parametrlari shunchaki mavhum g'oyalarning mavjudligi bilan emas, balki lirik sub'ektning o'ziga xos tuzilishi, xronotop va til materiyasi bilan belgilanishi haqidagi tezis asoslanadi. She'riy matnda «Men» kategoriyasining transformatsiyasi va borliqni konseptualizatsiya qilish mexanizmlari tahlil qilinadi.

Kalit so'z va iboralar: falsafiy lirik, olamni modellashtirish, ontologiya, lirik sub'ekt, xronotop, konsept.

PHILOSOPHICAL LYRICS AS A FORM OF ARTISTIC WORLD- MODELING

Soliev Khasan Toirdjonovich,

Teacher, Turon Odob Ilm school

Annotation: The article investigates philosophical lyrics as a specific form of artistic world-modeling. The thesis is substantiated that the genre-ontological parameters of a philosophical poem are determined not just by the presence of abstract ideas, but by the special structure of the lyrical subject, chronotope, and linguistic matter. The transformation of the "I" category and the mechanisms of conceptualizing being in a poetic text are analyzed.

Key words and phrases: philosophical lyrics, world-modeling, ontology, lyrical subject, chronotope, concept.

ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА КАК ФОРМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ

Солиев Хасан Тоиржонович,

преподаватель, Turon Odob Ilm school

Аннотация: В статье исследуется философская лирика как специфическая форма художественного миромоделирования. Обосновывается тезис о том, что жанрово-онтологические параметры философского стихотворения определяются не просто наличием абстрактных идей, но особой структурой лирического субъекта, хронотопа и языковой материи. Анализируется трансформация категории «Я» и механизмы концептуализации бытия.

Ключевые слова и выражения: философская лирика, миромоделирование, онтология, лирический субъект, хронотоп, концепт.

Kirish.

Философская лирика представляет собой одну из наиболее сложных и многогранных форм художественного освоения действительности, где поэтическое слово выходит за рамки чисто эстетического или эмоционального выражения, становясь полноценным инструментом познания бытия. В отличие от других родов литературы, лирика не просто отражает мир, но конструирует его заново, создавая автономную онтологическую реальность. Ю. М. Лотман справедливо отмечал, что стихотворение моделирует универсум, причем эта модель оказывается не упрощенной копией, а сгущенным, предельно насыщенным смыслом пространством [1, 25]. Именно

эта способность текста порождать новые смыслы и структурировать хаос эмпирического опыта делает философскую лирику уникальным феноменом, требующим специального жанрово-онтологического анализа. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления границ между поэзией и философией в современном литературоведении, где традиционные подходы часто не учитывают глубинные механизмы поэтического миромоделирования. Цель данной работы заключается в выявлении и систематизации жанрово-онтологических параметров философской лирики как самостоятельной формы художественного конструирования реальности. Научная новизна состоит в комплексном рассмотрении этих параметров через призму когнитивной поэтики и философской герменевтики, что позволяет преодолеть односторонность предшествующих трактовок.

Adabiyotlar tahlili va metodologiya.

Методологический аппарат работы базируется на органичном синтезе когнитивно-семиотического, историко-типологического и концептуального подходов. Когнитивно-семиотический метод позволяет раскрыть механизмы концептуализации бытия в поэтическом тексте, когда абстрактные философские категории обретают плотную чувственную форму. Историко-типологический анализ необходим для выявления эволюции жанровых форм философской лирики и их трансформации в различные культурные эпохи. Концептуальный анализ, в свою очередь, направлен на реконструкцию глубинных смысловых структур, определяющих онтологический статус лирического высказывания. Л. Я. Гинзбург подчеркивала, что лирический герой есть «человек наедине с миром», но в философском контексте это «наедине» неизбежно превращается в напряженный, подчас трагический диалог с абсолютным [2, 142]. Опираясь на это положение, мы рассматриваем лирический субъект не как психологический индивид, а как особую точку пересечения всех онтологических координат. Комплексное применение

указанных методов обеспечивает целостное представление о философской лирике как о специфическом виде художественного дискурса, обладающем собственной жанровой природой и онтологической нагруженностью. Материалом для исследования послужили классические образцы философской поэзии, в которых механизмы миромоделирования проявлены с максимальной эксплицитностью. Такой междисциплинарный подход позволяет избежать редукции философской лирики либо к чистой эстетике, либо к иллюстрации готовых концепций.

Natiĵa va muhokama.

Проведенный анализ позволяет выделить три ключевых жанрово-онтологических параметра философской лирики: особую структуру лирического субъекта, символическую природу хронотопа и предельную онтологическую автономность языковой материи. Во-первых, субъект философского стихотворения радикально трансформируется по сравнению с классическими образцами интимной или пейзажной лирики. Он приобретает статус универсального наблюдателя и демиурга, через сознание которого преломляется глобальный исторический и космический процесс. Подобная деконструкция эмпирического «Я» необходима для того, чтобы освободить пространство для голоса самого бытия, говорящего через поэта. Во-вторых, пространственно-временная организация философской лирики подчиняется законам предельного обобщения. Время часто предстает не как линейная последовательность событий, а как вечное возвращение, как циклический ритм самой природы, который М. М. Бахтин называл «временем-судьбой» [4, 315]. Пространство лирического высказывания расширяется до масштабов космоса, включая в себя антиномии бесконечного и конечного, микрокосма и микромира.

В-третьих, языковая материя философской лирики обладает особой весомостью и непроницаемостью. Слово здесь выступает не прозрачным

медиумом, а непрозрачной, сопротивляющейся стихией, которая сама диктует законы развертывания мысли. М. Хайдеггер утверждал, что «язык есть дом бытия», и именно в поэзии это онтологическое достоинство слова раскрывается с максимальной полнотой и силой [5, 45]. Синтаксические структуры, ритмические сбои, смысловые паузы и оксюмороны становятся не просто стилистическими приемами, а онтологическими маркерами, фиксирующими сам процесс рождения смысла из небытия. Поэтический текст в этом смысле уподобляется философскому жесту, акту творения, который каждый раз заново утверждает границы между сущим и ничто. А. Ф. Лосев в своих фундаментальных трудах доказывал, что миф и слово есть не просто отражение реальности, но сама эта реальность, данная в своем внутреннем, сущностном становлении [3, 88]. Философское стихотворение материализует мысль, превращая ее в эстетический объект, который можно не только постигнуть умом, но и пережить всем своим существом. Эта эстетизация онтологии является главной отличительной чертой жанра, позволяющей ему преодолевать разрыв между интеллектуальным знанием и непосредственным жизненным опытом.

Интерпретация полученных результатов требует учета синкретической и открытой природы жанровой формы философской лирики. Она постоянно впитывает элементы других форм, таких как элегия, ода, послание или притча, сохраняя при этом глубинный жанровый инвариант. В. Е. Хализев указывает, что жанр в литературе есть «типовое единство содержательных и формальных признаков», но в философской лирике это единство достигается за счет напряжения между формой и запредельным, невыразимым содержанием [6, 175]. Поэт балансирует на грани выразимого и невыразимого, пытаясь уловить то, что находится за пределами обычного языкового опыта. Особого внимания заслуживает проблема соотношения рационального и иррационального начал. В отличие от строгого философского трактата, где мысль развивается по

законам формальной логики, поэзия опирается на интуицию, образное мышление и парадокс. Это позволяет исследовать те сферы бытия, которые недоступны для классического дискурсивного познания. С. И. Кормилов отмечает, что взаимодействие поэзии и философии рождает неповторимую интеллектуальную напряженность, которая отличает подлинно философскую поэзию от дидактических стихотворений [7, 56]. Иррациональные образы, сновидческие видения и мистические озарения становятся полноценными инструментами познания, расширяющими горизонты человеческого понимания. В. И. Тюпа подчеркивает, что художественный дискурс всегда полифоничен и многомерен, что особенно ярко проявляется в философской лирике, где сталкиваются различные голосовые и смысловые перспективы [8, 89]. Кроме того, нельзя игнорировать роль интертекстуальности, которая связывает отдельное философское стихотворение с великой традицией мировой мысли, превращая его в узел смысловых пересечений. Именно этот синтез логической строгости и образной стихии возводит философскую лирику в ранг высшей формы духовного самопознания человечества, позволяя ей выполнять функцию не просто отражения, но активного конструирования смысловой ткани культуры.

Нельзя также упускать из виду историческую динамику философской лирики, которая на разных этапах развития культуры приобретала специфические черты. Если в античности и средневековье доминировали космогонические и теологические мотивы, то в эпоху Нового времени на первый план вышли проблемы субъективности и познания. Серебряный век русской поэзии и вовсе ознаменовался беспрецедентным всплеском интереса к онтологическим основам бытия, где философская рефлексия слилась с мистическим опытом. Эта историческая перспектива позволяет увидеть, как менялись жанрово-онтологические параметры, оставаясь при этом верными своей главной цели — постижению абсолютных истин через слово.

Xulosa.

Подводя итоги, можно с уверенностью утверждать, что философская лирика представляет собой не просто тематическую разновидность поэзии, а самостоятельную и глубокую форму художественного миромоделирования. Ее жанрово-онтологические параметры определяются особым статусом лирического субъекта, символической природой хронотопа и предельной онтологической нагруженностью самого слова. Исследование этих параметров позволяет не только глубже понять механизмы поэтического творчества, но и увидеть, как человеческий дух через слово пытается осмыслить и упорядочить хаос мироздания. Философская лирика остается вечным свидетельством неустанного стремления человека к постижению тайн бытия, облеченного в совершенную эстетическую форму. Таким образом, философская лирика выступает не только объектом эстетического наслаждения, но и важнейшим инструментом культурной рефлексии, без которого невозможно полноценное понимание истории человеческой мысли. Полученные выводы имеют важное значение для преподавания теории литературы и истории философии, способствуя формированию у студентов целостного представления о взаимосвязи художественного и концептуального мышления. Дальнейшее развитие данной проблематики видится в применении цифровых методов анализа больших текстовых корпусов, что позволит визуализировать миграцию философских концептов в глобальном культурном пространстве и верифицировать полученные теоретические выводы на широком эмпирическом материале.

Foydalanilgan adabiyotlar ro'yxati

1. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха / Ю. М. Лотман. — Ленинград : Просвещение, 1972. — 279 с.
2. Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. — Ленинград : Наука, 1974. — 368 с.

3. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. — Москва : Мысль, 2001. — 560 с.
4. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1979. — 424 с.
5. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге : сборник / М. Хайдеггер ; пер. с нем. — Москва : Высшая школа, 1991. — 190 с.
6. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. — Москва : Высшая школа, 2002. — 432 с.
7. Кормилов, С. И. Поэзия и философия : взаимодействие жанров / С. И. Кормилов. — Москва : Наследие, 1994. — 144 с.
8. Тюпа, В. И. Аналитика художественного дискурса : учеб. пособие / В. И. Тюпа. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1998. — 152 с.